

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МОЛОДОМУ режиссеру В. Авилкину оказана большая честь: после нескольких лет работы в городских театрах он назначен главным режиссером Чимкентского театра русской драмы.

Назначен главным режиссером! Отныне вся жизнь театра неразрывно связана с его именем, его творческой индивидуальностью, личными человеческими качествами. Начал свою деятельность В. Авилкин активно: снимает прежние постановки, переформирует труппу,

их счет выполняется план, получают премии.

В самом же Чимкенте не менее пагубная практика: продажа билетов, правдами и неправдами, предпочтения по перечислению. На заводе их раздают бесплатно, но и это не привлекает зрителей. В кассе аншлаги, а зал пуст. Можно ли тут винить зрителей? Театру и в первую очередь главному режиссеру есть о чем подумать, сделать выводы. Сделаны ли они?

Прошло два года. Забыты широкопедальные декламации. Похоже, и сам

геллам» В. Нестайко — о юных правонарушителях, о тех, кто толкает их на пагубный путь (в нарушение всех педагогических норм спектакль смотрят младшие школьники). Интересно наставления, которые получил молодой режиссер В. Ким во время работы над этой своей первой дипломной постановкой: «Это детский спектакль, значит, надо поставить дешево и быстро. До премьеры две недели — скоро начнем делать оформление».

Особенно велика роль главного режиссера в созда-

той о творчестве каждого, о творческой атмосфере.

— Много ли нужно актеру, — говорит молодая актриса Н. Лыкина. — «Добрый взгляд, чуткое слово, поддержка в трудную минуту и, конечно, работа роли. У нас все не так: есть «свой», есть «чужие». Кто работает сверх всякой меры, а кто вообще не занят. Вместо ободрения — грубость, окрики».

Ее поддерживает И. Бондаренко, она в театре уже седьмой сезон.

— Нет возможности для поиска, эксперимента, не

— Зачем писать про наш театр, — убеждала меня, — разве мы самые плохие? Поезжайте в Д. (называется соседний город. — Н. П.) — о них и напишите.

Но факты опровергают благополучные мнения на сей счет. Приказы, администрирование давно подменили в Чимкентском театре живое, уважительное отношение к человеку. Да, сам В. Авилкин приказы не подписывает, это делает с его ведома директор театра В. Малюченко — так здесь повелось за эти два года. Но это только усугубляет вину главного режиссера за все происходящее.

В финале спектакля «Хитроумная влюбленная» актеры сошли с круга, так как аплодисментов было мало и крутились вслед уходящим зрителям неслепе, следует приказ-выговор, а через некоторое время новый приказ, в котором ранее изданный предлагается «считать недействительным».

Нередки случаи незаконных увольнений. Отсюда — бесконечные судебные тяжбы, кассации, разбирательства в судах разных инстанций, восстановление на работу.

Приказы, приказы... Распределение ролей оформляется приказами нередко без согласования с режиссером, которому поручена постановка. Например, приехал молодой режиссер В. Ким ставить дипломный спектакль и был поставлен перед фактом готового распределения. А первые же репетиции ему пришлось отметить: то ведущий актер пришел в нетрезвом виде, то не явился исполнитель одной из главных ролей — с разрешения В. Авилкина он в эти часы занимался распределением билетов (кстати, этим занимаются многие актеры).

И снова приходят на память слова К. С. Станиславского: «Здоровая атмосфера, дисциплина и этика не создаются распоряжением, приказом, циркуляром... Надо верить, что каждый человек в глубине души стремится к хорошему... Собственны й пример — самое лучшее доказательство не только для других, но главным образом для себя самого».

Обо всем этом напрочь забыл молодой главный режиссер В. Авилкин в пылу начальственных, админист-

ративных устремлений. А ведь у него есть жерния, трудолюбие, желание работать. Хотелось бы напомнить его же слова, сказанные на собрании партийной группы: «Я хочу быть в театре, принести добро людям, коллективу».

Знакомство с положением в Чимкентском театре началось с писем в редакцию. Это были не совсем обычные письма, а обширные послания (одно из них занимало почти 40 страниц убористого рукописного текста). Велико было мое удивление, когда я узнал: все эти письма, в том числе и подписанные разными фамилиями, написаны одним человеком (иногда в соавторстве) — бывшим режиссером театра М. Догмаровым. Проработав восемь лет в театре, М. Догмаров делает все, чтобы с неистовой одержимостью представить в неблагоприятном свете малейшие нелады в «родном» коллективе, чернить без разбору всех и вся. А причина проста — его жена, актриса, сегодня не занимает в репертуаре прежнего ведущего положения. Кажется, нет организации, куда бы он ни писал: партийные органы, ЦК профсоюза, министерств и культуры, редакции газет, журнал «Человек и закон».

Вместо того, чтобы помочь своему молодому коллеге советом, подслаться опытом, М. Догмаров пишет, обличает, возмущается. Странное впечатление вызывает подобная позиция «борца за справедливость» — ведь на поверку она выглядит ни больше ни меньше, как стремление вместо одной крайности утвердить другую. Но крайности, как говорят, сходятся, и потому ничего, кроме вреда, не приносят ни «самовластие» главного режиссера, ни неутомимость его «обличителя».

Обо всей этой истории можно было бы и не рассказывать — слишком много банального, будничного, неприятного. Но в ней преломляются беды многих театров, многих главных режиссеров, когда они, забывая о высокой доверенной им миссии — руководителя, воспитателя, — ставят себя над коллективом.

Н. ПУТИНЦЕВ,
наш спец. корр.

ЧИМКЕНТ — МОСКВА.

НАЗНАЧЕН ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР

пу, хочет строить совершенно новый театр.

Обновляя репертуар, он останавливает свой выбор на добротных произведениях советской драматургии. Театр ставит пьесу В. Розова «В день свадьбы» (правда, здесь она почему-то названа «Нюркина любовь»), «Русские люди» К. Симонова — масштабный, патристический спектакль. Несмотря на скромные возможности, держит на воплощении «Идиота» Ф. М. Достоевского.

Спектакль поставлен, за ним другой, третий... Да вот беда — не задерживаются они, как правило, в репертуаре. Перед нами афиша театра. Картина здесь, скажем прямо, неперспективная. Каждая премьера — и хорошая тоже — «прокатывается» 15—20 раз подряд, а затем исчезает бесследно. Названные выше спектакли, которые должны были положить начало «новому» театру, достигла общая участь: они давно уже не идут на сцене (были специально возобновлены для показа московскому критику).

Чем же это вызвано? Недостатком зрителей? Трудно с этим согласиться: Чимкент — крупный областной центр, вокруг много селений с великодушными дворцами культуры, где артисты всегда желанные гости. Но неизменно утвердившийся здесь «порочный круг»: на стационаре — новый спектакль до «износа», а на выездях — водевил «Чудесный день», вездесущие «Веряте бабушку» и «Таясь в течение полчасца». За

В. Авилкин выне равнодушен к тому, что репертуар руководимого им театра не насыщен современностью, новыми пьесами о героях наших дней, о взаимоотношениях людей в сфере производства. Нет и проблемных, волнующих, вызывающих живой обмен мнениями спектаклей о молодежи.

Зато к вышеприведенному списку поделок, вывозимых на село, прибавилась еще одна. В середине сезона, когда многие театры страны готовили подарки XXV съезду партии, здесь не нашли ничего лучшего, как в срочном порядке возобновить слезливую мелодраму «Черные розы»...

За все, что происходит в театре, главный режиссер в прямом ответе. Вот как выглядит в Чимкентском театре производственно-творческая картина. Годовой план театра — 350 спектаклей. Выполняется он почти на треть (а в первые месяцы года больше, чем наполовину) за счет спектаклей для детей. Нет, это не продиктовано желанием приобщить подрастающее поколение к высокому искусству, способствовать воспитанию в детях художественного вкуса. Руководят другие соображения — коммерческие: школьников можно организованно привести на спектакль, особенно во время каникул.

О художественном качестве этих спектаклей — скороспелок, кое-как слепленных за пару недель, никто не думает. Так было с «Бременскими музыкантами». Так произошло с очень слабой пьесой «Витка Ма-

ния нравственного климата театра, нормальной творческой атмосферы. Тут все идет в зачет: от его умения профессионально работать над спектаклем до личного поведения.

Вспоминаются вешние слова К. С. Станиславского: «Надо крепко понять, что наше искусство коллективное, в котором все друг от друга зависит. Всякая ошибка, недоброе слово, сплетня, пущенные в коллектив, отравляют всех и того, кто пустил эту отраву... Всякую обиду мелкого самолюбия, сплетню, зависть надо уметь побороть в себе самом, а не выбрасывать из себя, не отравлять художественную атмосферу... Коллектив не может сплотиться, держаться и крепнуть только на основе личной взаимной любви и симпатии всех членов... Чтобы спаять людей, нужны более ясные и крепкие основы, как-то: идеи, общечеловеческая, политичка».

Как бесконечно далек Чимкентский театр от этих великих заветов! Коллектив буквально раздирают противоречия, склоки, сплетни, интриги. Ведущие актеры пишут друг на друга обвинения. В дирекции заводятся досье на «неудовольствующих» актеров и режиссеров. Летят письма и телеграммы в разные театры: как вел себя, как работал, в чем провинился.

И здесь не проявил себя В. Авилкин как руководитель-организатор коллектива. Препятствием главным образом: лучший способ сплотить коллектив делом, вниманием и заботой

поддерживается стремление попробовать себя в разных планах. Все главные роли играют три-четыре «любимчика». А коллектив разрушается, многие не выдерживают — уходят.

Серьезные обвинения. И они не лишены, к сожалению, оснований. Не лучшим образом повел В. Авилкин себя в коллективе. С легкой руки главного режиссера его жена, молодая актриса, безусловно, не лишенная способностей, но без настоящей школы, с ограниченным творческим диапазоном заняла во всех основных спектаклях на самых ответственных ролях. Для нее — единственной! — организуется творческий вечер по телевидению, финал каждого спектакля превращается в хорошо отработанный ритуал подписаний цветов. Это отсутствие такта, оно унижает достоинство режиссера, наносит вред самой актрисе. После этого как-то неудобно читать декларацию В. Авилкина в местной газете: «Мы стремимся создать в своем коллективе творческую атмосферу, обстановку общественной заинтересованности».

А как же, могут спросить, директор театра, партийная организация, другие общественные организации? В то-то и дело, что руководство театра не очень обеспокоено создавшейся обстановкой. В странном чуждом самообольщении здесь считают, что атмосфера в коллективе нормальная, мол, несколько строптивых актеров мутят воду — так пусть уходят.